

ПЕРВЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ ХУДОЖНИКА И.Е. РЕПИНА

Рассматривается история создания И.Е. Репиным первых литературных произведений и дается анализ их специфических черт. Определяется роль окружения художника, в том числе писателей, членов репинского кружка, в его обращении к литературному творчеству. Описывается система литературных пристрастий И.Е. Репина, сформированных как традициями реалистической словесности, так и тенденциями современной эпохи. Выявляются особенности литературного стиля художника, изученного в значительно меньшей степени, нежели его живопись.

Ключевые слова: И.Е. Репин; воспоминания; критика; «Заметки художника»; «Письма об искусстве».

Литературная жизнь в России 1880–1890-х гг. характеризуется возрождением кружков и салонов. Бурная культурная жизнь пореформенной России породила потребность в обсуждении новых веяний в искусстве. Известны салоны А.А. Давыдовой, Мережковских, Л.Я. Гуревич, «пятницы» Я.П. Полонского в Петербурге, салон М.К. Морозовой в Москве и др.

Во второй половине 1880-х гг. в Петербурге по инициативе И.Е. Репина собирался научно-художественный кружок, который не только серьезно повлиял на литературные пристрастия художника, но и дал начало его собственной писательской деятельности. Первоначально на «четвергах» И.Е. Репина собирались профессор Петербургского университета Н.Н. Бекетов, Н.А. Меньшуткин и А.А. Иностранцев, художники И.И. Шишкин, Н.А. Ярошенко, Г.Г. Мясоедов, В.М. Максимов, К.А. Савицкий и критик В.В. Стасов.

История о том, как на собраниях у И.Е. Репина появились литераторы, связана с редакцией киевской газеты «Заря», в которой сотрудничали И.И. Ясинский и Н.М. Минский, ставшие затем активными участниками и организаторами репинских собраний. Летом 1884 г. они инициировали на страницах газеты дискуссию о границах научного и художественного познания, впоследствии названную «киевским инцидентом», в ходе которой вышла в свет статья Н.М. Минского «Старинный спор» [1. С. 1–2], обозначившая новые предсимволистские веяния.

Основные положения этой статьи затем отразились и в дискуссиях репинского кружка. Тогда в Киеве вокруг «Зари» сплотился кружок так называемых «новых романтиков», в который входили И.И. Ясинский, Н.М. Минский, В.И. Бибииков, С.А. Бердяев и др. Через два года разногласия членов редакции привели к закрытию газеты.

И.И. Ясинский в поисках новых литературных сотрудников весной 1885 г. примерно на полгода поселился в Петербурге, где стал приглашать на свои «вторники» широкий круг писателей: А.И. Лемана, И.И. Горбунова-Посадова, М.Н. Альбова и К.С. Баранцевича. Впоследствии на его собрания стали приходиться Д.С. Мережковский и К.Н. Льдов (Розенблум). Иногда бывали А.Н. Плещеев и В.М. Гаршин.

Приблизительно весной 1886 г. на очередной «вторник» И.И. Ясинского В.И. Бибииков привел И.Е. Репина, который сразу завоевал внимание публики своим обаянием, живостью и непосредственностью ведения разговора. Он тут же обратился к собравшимся с предложением посетить его знаменитые «четверги». Таким образом кружок И.И. Ясинского преобразовался в кружок И.Е. Репина.

С октября 1887 г. у И.И. Ясинского стал бывать поэт и прозаик А.В. Жиркевич, впоследствии напечатанный на страницах разных журналов свои воспоминания об А.Н. Апухтине, В.В. Верещагине, А.М. Жемчужникове и И.Е. Репине. Именно благодаря его усилиям можно в деталях воссоздать летопись собраний у И.И. Ясинского и затем у И.Е. Репина.

Если самой представительной фигурой среди живописцев в этой компании был сам И.Е. Репин, то литературным центром оказался молодой поэт К.М. Фофанов, фигура весьма колоритная и знаковая для 1880-х гг. Его лидерство было признано многими авторитетными критиками и писателями той переходной для русской литературы поры.

С ноября 1887 г. по февраль 1888 г. И.Е. Репин писал портрет К.М. Фофанова. «В ту эпоху, когда писался портрет, – отмечал в своем дневнике А.В. Жиркевич, – я бывал часто и у Фофанова, и у Репина, а потому знаю, сколько надо было гражданского мужества со стороны художника, чтобы своей гениальной кистью заставить общество говорить о скромном нищем поэте, про которого в обществе ходили грязные легенды и сплетни!.. Помню, как поразила меня и поза, и бледность лица Фофанова, которые делают портрет так поражающе похожим... Фофанов-мистик, Фофанов-дикарь, Фофанов-самородок и Фофанов – нищий труженик – так и взглянул мне в душу, шевеля в ней и жалость, и восторг...» [2. С. 197].

И.Е. Репин питал к поэту самые искренние теплые чувства, причем с самой их первой встречи и навсегда. Он, как мог, опекал К.М. Фофанова, хлопотал о его службе, был крестным его сына Кости и всячески помогал крестнику.

Еще одним необычным человеком в кружке И.Е. Репина был писатель В.М. Гаршин. Их личное знакомство состоялось во второй половине 1882 г., они встретились, когда художник писал «Не ждали» и «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года». В обеих картинах неоспоримо присутствует образ В.М. Гаршина. С него художник писал этюды, а также создал особый портрет.

Репин в статье «Мои встречи с Гаршиным», опубликованной в 1913 г., писал: «С первого же взгляда на Гаршина захотелось писать его портрет... Когда Гаршин входил ко мне, я чувствовал это всегда еще до его звонка. А он входил бесшумно и всегда вносил с собой тихий восторг, словно бесплотный ангел. Особенной красоты гаршинские глаза, полные серьезной стыдливостью, часто заволакивались таинственной слезою...» [3. С. 10–11]. По мнению С.Н. Дурьиной, исследовате-

ля творчества В.М. Гаршина, И.Е. Репину в портрете писателя «удалось передать ту внутреннюю грустную тревогу, которая не покидала Гаршина» [4. С. 52].

Как констатирует большинство искусствоведов, в этот период И.Е. Репин находился в преддверии нового этапа своего творчества. Именно со второй половины 1880-х – начала 1890-х гг. в репинском реализме, от которого он никогда не отступал, отмечается тяга к откровенному экспериментаторству в области композиции, колорита и техники мазка. Кто-то называл это «натурализмом», а сам художник использовал термин «варварское» в живописи.

В 1893 г. И.Е. Репин выпустил в свет «Письма об искусстве» и «Заметки художника (Письма из-за границы)», в которых и отразились его новые взгляды. Краткая история появления этих записей изложена в двухтомной монографии И.Э. Грабаря: «Лето 1893 года Репин провел снова в Здравнёве... Осенью он едет за границу с сыном Юрием. По дороге в Вену останавливается в Вильне... Из Вены он пишет Стасову: "...Перед отъездом, у Мережковского, я встретил П. Вейнберга, он прислал ко мне, чтобы я писал ему для какого-то театрального журнала об искусстве, что-нибудь вроде своих впечатлений. Я пообещал ему и уже писал из Кракова. Если бросит, я буду рад – никакой охоты к этому не чувствую. А главное, трудно что-нибудь стоящее печати написать, опасно – лучше думать про себя" (Из письма Репина к Стасову от 26 октября 1893 года из Вены. Архив Стасова)» [5. Т. 2. С. 93].

История конфликта И.Е. Репина с В.В. Стасовым, последовавшего за публикацией «Писем об искусстве», подробно описана И.Э. Грабарем и дополнена другими исследователями. Но важно упомянуть о том, что в процессе этого недопонимания менялось отношение художника и к своему писательству. Дело в том, что самую первую литературную публикацию И.Е. Репина В.В. Стасов воспринял с нескрываемым восторгом. Это была статья об Иване Николаевиче Крамском «Памяти учителя», опубликованная в Петербурге в журнале «Русская старина» 28 января 1888 г.

Реакция критики на репинские «Письма об искусстве» была жесткой. В статье К.И. Чуковского «Репин как писатель» подробно и с цитатами изложены претензии критиков к первым литературным произведениям художника [6. С. 178–199]. Стоит лишь добавить, что И.Е. Репин был очень опечален и в своем эпистолярии часто повторял, что больше писать никогда не будет: «Что касается моих литературных вылазок, я решил прекратить их совсем и навсегда» (из письма А.В. Жиркевичу от 10 августа 1895 г.). Об этом же он говорил и В.В. Стасову в начале конфликта с ним, сообщая о том, что отказался писать для «Северного вестника»: «Писания свои я совсем прекращаю. Я уже обещал послать в "Неделю" покойному Гайдебурову...» (письмо от 2/14 февраля 1894 г. из Неаполя) [5. Т. 2. С. 111–112].

И все же И.Е. Репин печатает в «Неделе» «Записки художника», в которых много извиняется и объясняется со В.В. Стасовым, с которым не имел тогда возможности из-за конфликта переписываться.

Рассмотрим ранние публикации более подробно.

Стиль словесного изложения у художника И.Е. Репина оригинален. Он не писал черновиков, а создавал

смысловые импровизации подобно живописным наброскам. Позднее в предисловии к книге воспоминаний «Далекое близкое», в которой во многом сохранялась манера изложения первых произведений, он писал: «...предлагаю воспоминания о самых интересных минутах моей жизни. Мы их не ценим, выпускаем, даже стыдимся и замалчиваем. Я набрасываю о них эскизы – краткие отрывки» [7. С. 5].

И.Е. Репин излагает мысли, на первый взгляд, непоследовательно, выражает их «в цепи образов, метких определений, иногда очень разбросанных» [8. С. 4]. «Письма об искусстве», напечатанные в «Театральной газете» в 1893 г., он начинает словами: «Пишу вам, как обещал, свои мимолетные думы об искусстве, без всякой тенденции, без всякого пристрастия» [9. С. 76]. Таким образом, художник сразу оговаривался, что не ставил перед собой задачи дать какой бы то ни было цельный и упорядоченный рассказ.

Репин интуитивно чувствовал необходимость перемен в искусстве, ему вообще была свойственна особая восприимчивость едва проступающего прогрессивного явления. И таким явлением для него было зарождение «варварского» в искусстве.

Художник резко высказывается об импрессионизме и модернизме. В частности, на его взгляд, импрессионисты, «освежив искусство от рутинного академического направления с его тяжелым, коричневым колоритом и условными композициями... сами впали в рутину лиловых, голубых и оранжевых рефлексов» [10. С. 179].

Сам Репин тяготеет к «живой красоте природы», к национальным корням. Он дает истинно живописное определение художников-«варваров»: «...угловатые, с резкими движениями, они были полны живой человеческой правды. Их живые глаза блестили настоящим чувством; композиции дышали страшным трагизмом жизни; некрасивые лица были близки сердцу; родные, знакомые аксессуары усиливали правду общего впечатления» [10. С. 78].

В современной литературе И.Е. Репин также искал черты «варварского», особенного, чувственного, несколько дикого, странного, но при этом народного. Поэтому он особенно ценил творчество Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, А.А. Фета, В.М. Гаршина и К.М. Фоханова.

«Заметки художника» являются логическим продолжением «Писем об искусстве». Это письма без конкретного адресата, написанные под впечатлением заграничной поездки. Путь путешествия четко обозначен (художник указывает даты и места написания своих писем) и отражен в изложении: Краков и Вена – в «Письмах об искусстве», Мюнхен, Италия и Париж – в «Заметках художника».

И.Е. Репин развивает те же идеи, ищет к ним подходящие иллюстрации из увиденного в поездке, он пылливо всматривается в произведения местных художников, анализирует их. Порой сначала видит только негатив, а в следующем письме, как бы оправдываясь, нарочито сглаживает впечатление, объясняется: «Я стал сводить счеты с Мюнхеном, и мне сделалось совестно за свою опрометчивость в письмах. По моему описанию читатель подумает, что в Мюнхене совсем нет хороших художников. Это неправда...» [10. С. 125]. Или

еще одно оправдание: «Ох, я совсем не умею описывать. Пожалуй, прочтут еще, да обидятся. Вот мой добрый друг Владимир Васильевич Стасов страшно на меня огорчился, даже заболел, оттого что я сказал, что он любит наше варварское искусство...» [10. С. 127].

Слова «искренность», «наивность», «простота», «простосердечие» и подобные проходят лейтмотивом в его «Заметках» и «Письмах об искусстве». Художника восхищают «произведения совсем примитивного искусства», его притягивает все то, в чем «начинало свое немелкое детское искусство духа». В частности, его внимание привлекает практически неизвестная тогда русской интеллигенции живопись швейцарского художника Арнольда Бёклина. В его описании С.В. Сапожков видит прямую связь с образом К.М. Фофанова, о котором примерно в это же время писал Д.С. Мережковский: «Я не знаю в русской литературе поэта более неровного, болезненного и дисгармонического... Холодно или враждебно настроенный критик выберет из произведений Фофанова множество диких и нелепых стихов. Но рядом с ними встречаются проблески вдохновения высокого. Между рифмами вам слышатся живые стоны живого человека. Вот что всего дороже в поэзии, вот за что можно все простить. За эти капли теплой человеческой крови, прямо из сердца упавшие на страницы книги, можно простить и дикость образов, и неуклюжесть формы, и наивные описания тропической природы, составленные по школьным учебникам географии» [2. С. 217]. Примечательно, что о литературном наследии самого И.Е. Репина можно сказать то же самое. Ему можно простить всю словесную неказистость за ту искренность, которой пронизаны буквально все строки его писаний.

Д.С. Мережковский посещал, как и И.Е. Репин, собрания у И. Ясинского, и их обоих туда привлекал именно К.М. Фофанов. По мнению исследователя, «...мы имеем дело не столько с фактом “точечного” литературного влияния взглядов одного художника на другого, сколько с идеями, так сказать, витающими в воздухе, определявшими духовный микроклимат литературного окружения Репина – Ясинского второй половины 1880-х гг. и тяготевшими, как к своему центру, к личности К.М. Фофанова» [2. С. 217].

К.М. Фофанов неслучайно и совершенно естественно оказался созвучен идейным и эстетическим поискам времени, в том числе репинским. Именно личность, со своими сложностями и странностями, наивностью и горячностью, выступает на первый план в этот период, а в литературе важнейшим явлением времени является «лиризм, достигший своего крайнего выражения как

следствие повышенного ощущения “я” художника в его постижении всего окружающего» [11. С. 7]

Именно лиризм, по мнению М.Г. Неклюдовой, является выражением позиции творческой личности, ввергнутой на рубеже двух столетий в состояние кризиса, затронувшего все стороны существования. «Этот кризис в силу своих психологических особенностей поэты и художники ощутили раньше и острее, чем многие политики и социологи, но именно “ощутили” – как приближение какого-то мирового катаклизма, смысл и последствия которого были им еще совершенно не ясны» [11. С. 7–8].

Кружок И.Е. Репина был тем союзом творческих личностей, который объединял вместе взгляды и художников, и литераторов, а сам его глава был фигурой, аккумулировавшей, вбиравшей эти взгляды, культивировавшей и передававшей зрителю и читателю. Он умело использовал средства выражения как изобразительного искусства, так и художественной литературы. Причем у первых произведений И.Е. Репина были отличительные стилевые черты. Стиль его письма имеет очень глубокие корни. Статьи И.Е. Репина нельзя однозначно отнести к определенному жанру литературы. Перед нами, по сути дела, разговорная речь со всеми ее особенностями. Мы слышим проникновенный, очень эмоциональный рассказ, четко прослеживаются личностные черты рассказчика. Те издания произведений Репина, которые подвергались большему редактированию, теряли в результате живое звучание, хотя и становились более литературными, грамотными, гладкими, но не живыми, не народными и не «варварскими». А И.Е. Репин преследовал именно эту цель. Должен был быть живой рассказ, сиюминутные чувства, выраженные пусть неказисто, но эмоционально. Именно благодаря нескладности и достигался главный результат – доверие к тексту, как будто слушаешь рассказ близкого друга. В произведениях И.Е. Репина ощущаются и черты древнерусской литературы. «Письма из-за границы» – путевые записки, берущие начало в жанре хождений, и в то же время это эпистолярное произведение. Такое совмещение «хождений» с «посланиями» было вполне традиционно для древнерусской литературы и для начала XVIII в. Очевидно и влияние традиции русской мемуарной литературы XVIII в. с характерной для нее формой писем к другу («Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина).

Литературное наследие художника изучено в значительно меньшей степени, нежели его живопись, но представляет несомненный интерес не только как источник информации о жизни художника и его взглядах, но и как произведения словесного искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минский Н.М. Старинный спор // Заря. 1884. № 193. 29 августа.
2. Сапожков С.В. К.М. Фофанов и репинский кружок писателей. Статья первая // Новое литературное обозрение. 2001. № 48.
3. Репин И.Е. Мои встречи с Гаршиным // Солнце России. 1913. № 13.
4. Дурьлин С.Н. Репин и Гаршин. Из истории русской живописи и литературы. М., 1926.
5. Грабарь И.Э. Репин : в 2 т. М., 1963.
6. Чуковский К.И. Репин как писатель // Чуковский К.И. Из воспоминаний. М., 1959.
7. Репин И.Е. Далекое близкое. Воспоминания. М., 2002.
8. Ляковская О.Я. От составителя // Репин об искусстве. М., 1960.
9. Репин И.Е. Письма об искусстве // Воспоминания, статьи и письма из-за границы И.Е. Репина. СПб., 1901.
10. Репин И.Е. Заметки художника // Воспоминания, статьи и письма из-за границы И.Е. Репина. СПб., 1901.
11. Неклюдова М.Г. Традиции и новаторство в русском искусстве конца XIX – начала XX века. М., 1991.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 14 февраля 2013 г.